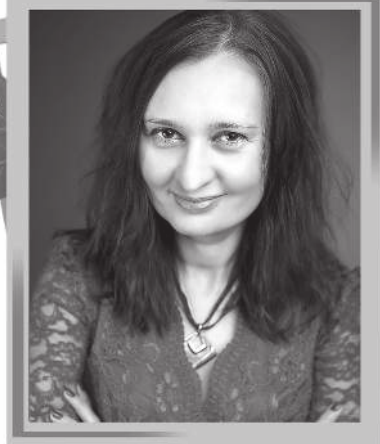

Юлия Сливина

г. Новосибирск, Ленинск-Кузнецкий

Кружка пива

Шлюхенбрюхель проснулся. Было рано – час дня. Уставившись в скучный потолок общаги со следами грязных сапог на нем, Шлюхенбрюхель снова подумал, как это русские могут ходить по потолку. Впрочем, он перестал удивляться с того момента, как был сослан в Москву учиться по обмену студентами и задержан в аэропорту на трое суток... Из-за чего задержан? Пограничники сказали:

«Так... Поржать!». С тех пор Шлюхенбрюхель разучился удивляться.

Немцев в общаге было всего двое – он и Обершмуклер. Обершмуклер, когда напивался, всегда орал: «Я – немец! Я – немец, но русский в душе!». А Шлюхенбрюхер думал о смысле бытия и о том, есть ли жизнь после водки. Жизнь была – но жизнь ли это?! Половина головы страстно хотела опохмелиться, и эту половину он чувствовал ясно и остро, словно кто-то медленно крошил ее пилой «Дружба». Другая половина головы жаждала просто уснуть, чтобы проснуться в маленькой пивной на окраине Эммендингена, где из окна на тебя глядят горы молчаливо и равнодушно, как вечность.

Голову раздирало пополам, а брэнное тело хотело покоя и отключения всех нервных рецепторов одновременно. Кажется, Шлюхенбрюхер вчера получил по морде... Кажется, не только по морде...

Он медленно встал и очутился перед картиной, с которой на него глядел препротивный тип с подбитым глазом, всклокоченными волосами и явно недобрыми намерениями. Шлюхенбрюхер попятился, уперся в край кровати, сел и понял, что это было зеркало. Решив дискредитировать эту несовершенную копию с себя, он взял с батареи грязную тряпку и мазанул несколько раз по зеркалу, не глядя. Когда повернулся, противник капитулировал, и в зеркале было что-то совсем непонятное – то, что нужно.

В комнате никого не было, что было довольно странно... Обычно спали как попало, на полу разные незнакомые люди, очень пьяные и злые. Держась за голову, добрался до туалета, моросил утренним дождем в унитаз, сморкался в туалетную бумагу – вобщем, был неадекватен.

Так началось новое утро бедного студента. Ощупав лицо, Шлюхенбрюхер пришел к выводу, что его лицо били не сильно. Ныло и страдало совсем другое место, которое мы не будем упоминать в рассказе из нравственных соображений. Попытка заварить кофе не удалась, поскольку не было самого кофе. Пришлось пить противную, с привкусом меди, воду мелкими глотками, чтобы не стошнило. Затем он намылил руки и сполоснул их в той же кружке. Кран капал настойчиво и энергично. В самом Шлюхенбрюхере энергии почти не осталось. Или осталось ровно столько, сколько бывает в китайских батарейках по 15 рублей штука. Но сам Шлюхенбрюхер мысленно был уже далеко – в маленькой пивной на окраине Эммендингена, и уже поднес заветную кружку пива к губам, когда...

Распахнулась дверь и в комнату влетела не всех парах женщина лет сорока и два милиционера с ней.

– Это он, он!.. – кричала женщина.

– Это ты? – спросил один из милиционеров – тот, что поздоровей.

– Я... – растерялся Шлюхенбрюхер. Да и что он мог ответить на такой провокационный вопрос: – «Нет, это не я!» – глупо!

– Он, он! – подтвердила уже успокоившаяся женщина.

– Пройдемте! – потребовал другой милиционер, показывая рукой на кухню.

Шлюхенбрюхер припомнил русские фильмы, где предлагали пройти, а потом сажали в тюрьму. Видимо, случай был исключительный.

– Садитесь, – предложил тот, что поздоровей, деловито осматривая кружку, в которой только что Шлюхенбрюхер полоскал мыльные руки. – С вашего позволения, – и он мгновенно опрокинул содержимое всей кружки себе в рот.

Изменившись в лице, милиционер стал похож на проколотый футбольный мяч, и уже через секунду разразился яростным лаем в отношении всех немцев, их пошла и Шлюхенбрюхера в частности.

– Что делать будем? – обратился другой к женщине.

– Он виноват, пусть женится! – воскликнула она.

– ЧТО?! – брови Шлюхенбрюхера взлетели на лоб от нахлынувшей гаммы чувств.

– Тогда в суд, а потом сядешь за надругательство над невинной девой, – устало заявил напившийся мыльной воды милиционер.

– Nein, nein... Das ist Irrtum... Это ошибка! Вы что – охренели?! – завопил как резаный, совсем очнувшийся от алкоголя Шлюхенбрюхер.

Через час забытья он оказался в каком-то белом зале прямо перед улыбающейся женщиной.

– Объявляю вас мужем и женой! – обе женщины обрадовались чему-то, обрадовались и милиционеры. Новоиспеченная жена Шлюхенбрюхера была несъедобна во всех смыслах, однако он принял и этот удар судьбы стойко, как и следует немцу. И только кружка пива в маленькой пивной на окраине Эммендингена все еще ждала кого-то...

